

Тема дня

Я, конечно, вернусь

Сегодня — 65 лет Владимиру Высоцкому

«Иногда мне кажется, что не хватит сил»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Мне очень повезло, мне удастся сыграть Гамлета в спектакле, в котором он действует в пьесе. Потому что у нас получается так: человеку надо на пенсию выходить, он уже на ладан дышит, а ему говорят: «Вот теперь он может Гамлета сыграть, он в жизни разбирается!» Но мне очень повезло.

Я совсем не играю никакого принца датского. Хотя, в общем, в мире своих способностей я дерусь прямо, разговариваю интеллигентно, стараюсь не шепелявить. А в принципе — никакого такого принца. Человек он был ловчими земной, довольно резкий и жесток, потому что он был воспитан в своей семье. Папа его убил на дуэли Фартенбрасса. Войска стояли, а они дрались. Кто победит — того войско и выиграет. Потом Гамлет учился в университете. Стал человеком более интеллигентным, чем его окружение. Мы играем человека с такими же страстью, как все молодые люди этого возраста — от тридцати до сорока лет.

Это был мучительный процесс. Мы работали шесть часов в день, шесть часов репетиции. Было 22 варианта сцены с Призраком. Любимов — человек такой, который пробует на ходу. Знаете, как художник: не получилось — перечеркнул как красками.

Был вариант с зеркалом, необыкновенно эффектный, удивительный, которого не было никогда в истории. Был вариант, что это как бы один Гамлет. Был вариант, что это был Голос, что это — Световое пятно... И все это отмечалось. Наконец, что это просто вспышка в мозгу Гамлета. Он прекрасно знает все... про убийство. Потому что слухи ходят. Концы в воду не спряшиваются.

Он просто на месте, где хороши или отца, додумывает, что ему делать, он ведет такие вот беседы с отцом. В этом нет никакой мистики. Это просто прием условного театра, режиссерский прием.

Это как камень преткновения у всех режиссеров, которые ставили «Гамлета» — как решить Призрака? Он где-то витает, и голос он раздается. У нас на сцене я сижу у занавеса, рядом двое — мать и отец, которых я всегда помню вместе сидящими на троне. Отец мне очень коротко говорит о том, что происходило. А я просто губами повторяю. Вернее, я говорю этот текст, который звучит отец. Якобы это в мозгу. И дается очень яркий свет на сцену...

«Гамлет» — это белорусская пьеса. Лучше всего смотреть. Я никогда не расскажу так, как я смотрю. Сейчас только немножечко отшел от этой роли. Я-то все время не улыбался и не острял, а такой ходил мрачный.

Такой постановки еще не было. Самое главное завоевание театра — что вдруг «Гамлет» зазвучал

чал так, как когда его написал Шекспир. Ведь когда он писал свои произведения, не звучало ни «современное звено», не казалось, что нужно говорить, завывать. Нормально играли. И мне кажется, что наши спектакль звучит сейчас так, как он звучал тогда.

Мы играем перевод Пастернака, прекрасного поэта. Так скажем, играем двух генов. Ну и все как-то стараются дотягиваться до этого уровня.

Женщины не обделяют, конечно же, но, может быть, оттого, что давно уже не было матриархата, поэтому ролей мужиков больше в мировом репертуаре. А у женщин — «Леди Макбет», раз-два и обчелся. И они все хотят играть Гамлета. Сара Бернар играла шестнадцатилетнюю Наполеону, будучи восьмидесятилетней старушкой, и даже пытались играть Гамлета. Ну и тут же перешли на наших актрис — какая зала или что это коридор, анфилада комната. Я за этим занавесом убиваю Полония. Потому что его можно проткнуть ножом, в нем есть какие-то такие щели. Когда его просвечиваются, он превращается в какую-то странную галактику. А если осветить его спереди — он превращается в землю и сливается с могилой... Однажды был спектакль, где была не подготовленная публика. Они пришли на совсем другой спектакль и говорят: «Что это такое? Занавес — а он даже дырявый! Не могли уж починить?»

В рисунке, который сделал в нашем театре, роль требует очень большой отдачи сил. И физических, и всех остальных. Духовых которых ли, если так можно выразиться. Там есть такие, например, эпизоды, которые просто невозможно дышать нормально. Там наворот есть такой... Я его называю, этот кусок, время монологов, когда идет сцена с актерами, который громадный монолог после актеров, потом сцена с Офелией... После этого ход на сцену не выходит — так это сложно.

Вообще, это отличительная та-карая чистота нашего театра — актеры на сцене играют всегда с полной отдачей. Никто не позволяет себе работать спустя рукава. Наверное, это по обходному согласию со зрителем. Потому что не хочется играть вполголоса, халтурить, когда люди так долго хотят попасть в театр, стоят ночами...

Я играю Гамлета в черном костюме. Гамлет — он в отличие от всех других участников этого спектакля долго помнит об отце и поэтому носит траур довольно долго, весь спектакль траур этого не снимает. Я одет в черное. Все остальные — немножечко по-светлее. Но Дания все-таки тьма, там мрачно, погода плохая, все на исходе дня и ночи — где-то серый свет. И один Гамлет как-то стоит у меня, как вот этот микрофон, и пою песни на прекрасные стихи Пастернака.

Когда заканчиваются стихи, вдруг сбоку движется через всю сцену громадный серого цвета занавес, так примерно метров 15 на 10, сплетенный из девяноста ниток шерсти. Мы его сплели очень остроумно: в нейлоновую сеть

вдруг сбоку движется через всю сцену громадный серого цвета занавес, так примерно метров 15 на 10, сплетенный из девяноста ниток шерсти. Мы его сплели очень остроумно: в нейлоновую сеть

Публикация подготовлена
Олегом ТЕРЕНТЬЕВЫМ



1973 год. Театр на Таганке

Он сотворил из себя миф

Его поминают дважды в год. Зимой — в день рождения и летом — в день смерти. Нынешний день рождения у Владимира Высоцкого с торжеством, с которой они отмечали 20-летие со дня его кончины. Тогда творилось что-то необыкновенное. Казалось, что руководителей телекомпаний заставили Высоцкому молиться...

Юрий БОГОМОЛОВ

Тогда молитвенное преклонение было носило скандальный прикус. Было вытащено на свет божий все, что касалось его отношений с женщинами, с друзьями, с алкоголем... Все его жены выступили с излияниями и монологами. Марина Влади издала книгу, изобиловавшую непрятными подробностями о его запоях. Кинодокументалисты сняли большой фильм «Владимир Высоцкий. История любви, истории болезни». Они хотели сделать памятник своему герою, а сделали трибуну, с которой один семейный клан (включая младшего сына поэта) выясняет свои отношения с другим кланом его родственников (представляемым матерью и сыновьями поэта). Получилась апология всенародного баловня на фоне внутрисемейной склоки.

На сей раз ничего такого в эфире не запланировано. Разве что Оксана Пушкина в своем «Женском взгляде» на Никиту Высоцкого поведает какие-нибудь пикантные подробности.

Но, может быть, так и надо? Может, так надо для благой цели — для поддержания интереса широкой публики к личности и творчеству народного кумира?

Законы мифотворчества, увы, плохо согласуются с традиционными нормами личной морали и этики. И уж тем более никак не могут быть ими повреждены. Или хотя бы оспорены. Высоцкому удалось то, что немногим удалось

при советской власти — стать мифологическим героем без санкций на то советской власти.

Без ее санкции случилась народная скорбь, когда он умер.

...Он умирал в разгар ХХII Московской олимпиады. В Лужниках ставились спортивные рекорды. В столичной квартире кончился его жизнь, которая тоже стала рекордом. Олимпиада явилась государственным праздником. Смерть и похороны Высоцкого стали в нем траурной дырой, которую власти стремились залатать и просто не заметить.

Если бы это у него было сомнение, что ободранный в крови голос Высоцкого, его нецензурные и неподконтрольные песни, его бешеная и беспощадная жизнь есть вызов строю, режиму, собственно советскому государству, то сама смерть поэта и актера их рассеяла. Устремившиеся массы плакали на Таганке, где происходила панихиды, а затем и к Ваганкову, где его похоронили,

Владимир НОВИКОВ, литературовед и критик: У него очень большое будущее

За годы, прошедшие после смерти Владимира Высоцкого, изменилось не просто очень многое — практически всё. Осталось ли прежним отношение к кумиру нескольких поколений? Что сегодня для нас Высоцкий? Профессор МГУ, автор одной из лучших книг прошлого года и одной из лучших книг о Высоцком, вышедшей в серии ЖЗЛ, Владимир НОВИКОВ отвечает на вопросы обозревателя «Известий» Юлии РАХАЕВОЙ.

— Можно ли представить Владимира Высоцкого 65-летним?

— Высоцкий очень молод. Уйдет в вечность, он оказался гораздо моложе своих нынешних ровесников, как театральных и киношных, так и литературных. У него, на мой взгляд, очень большое будущее.

— Какая из граней дарования Владимира Высоцкого востребована сегодня больше остальных?

— Думаю, что философская

грань его творчества — во всех видах искусства. Современное сознание забудилось в четырех сознаниях: плохие — хорошие, богатые — бедные. Высоцкий как художник воспринимал мир не глупо, а объемно, обладал способностью видеть вещи такими, каковы они на самом деле, принимать все противоречия как данность. Каждая его песня — это взгляд на предмет с двух сторон.

— Проиллюстрируйте, пожалуйста, чем-то наиболее типичным.

— «У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает». Тогда это было противоречие между пролетарием и тружеником науки, сейчас несколько в другом соотношении оно тем не менее сохранилось. Противоречие, о котором пели Высоцкий, — от века. Всегда будут люди умные и глупые, всегда кто-то должен выходит в первые ряды, кто-то должен находиться в середине. Высоцкий никогда не верил в миражи. У него не было утопического мышления, во всяком случае с момента его первой песни, но при этом он не стал и циником — в самом драматизме жизни, в ее несовершенстве он черпал вдохновение. Думаю, он будет сущевенен, как и он сам, сумасшедшим. А жизнь

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

прекрасно — так, он принял на

себя в ранних блестящих песнях роль человека с небесупречимой биографией и убедил в этом мнении

правильного

— Для них важны не его конфликт, а его про

И, конечно же, структура личности. Его персональная ответственность, волевое начало.

— А для вас Высоцкий — это прежде всего?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?

— Человек, способный понять любую точку зрения, но при этом имеющий твердый внутренний категорический императив. Он умеет шутить над собой, иногда

созидающим всем кто?